

да, несколько уточнил положения предыдущего законодательства, хотя и не решил всех вопросов, поставленных практикой.

Во многом издание Берг-регламента было обусловлено стремлением правительства передать казенные заводы в частные руки. Берг-регламент уточняет Берг-привилегию, передавая преимущество на разработку первооткрывателю, но увеличивая обязательную арендную плату и делая ее независимой от прибыли. Берг-регламент пытается ликвидировать еще один просчет Берг-привилегии, связанный с назначением слишком небольших земельных отводов. Берг-регламент указывает на возможность отвода большей площади, чем устанавливалось ранее, не определяя точно ее размер. Границы участка оставались на усмотрение горных властей. Постановления Берг-регламента сохранили в измененном, улучшенном виде основные нормы Берг-привилегии еще более чем на 40 лет, определив основные направления развития горного законодательства вплоть до екатерининского закона 1782 г., объявившего недра земли собственностью землевладельца и отказавшегося от горной регалии, являвшейся основой горно-земельного права предшествовавшего периода.

*С. А. Нефедов
(Екатеринбург)*

РЕФОРМЫ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ

В современной историографии распространено мнение, что регулярная русская армия была создана Петром I. Правда, иногда делаются оговорки о том, что программа военных реформ была готова и до Петра, что делались первые нерешительные шаги к ее исполнению¹. В этой статье мы постараемся показать, что историки недооценили государственных деятелей допетровской эпохи, что в действительности модернизация началась намного раньше и реформы середины XVII века не уступали по своему значению реформам Петра I.

Истоки реформ Алексея и Петра лежали в техническом и культурном превосходстве Запада, поэтому необходимо вкратце остановиться на том, в чем именно проявлялось это превосходство — на «военной революции» XVII в. Теория «военной революции» была создана тридцать лет назад известным английским историком Майклом Робертсом. Он считал, что перемены в социальной и политической жизни Европы были порождены тем революционным переворотом в военном деле, который вызвала деятельность шведского короля Густава Адольфа (1611–1632)².

«Военная революция» была связана с появлением легкой артиллерии. В прежние времена качество литья было плохим, и это вынуждало делать стенки ствола настолько толстыми, что даже малокалиберные орудия было трудно перевозить по полю боя. Французская «3-фунтовая» (стрелявшая ядрами в 3 фунта) пушка весила 30 пудов и требовалапряжки из 4 лошадей — притом, что скорострельность и боевая эффективность этого орудия были очень низкими. Густав Адольф осознал, какие перспективы открывает улучшение качества литья на шведских заводах, и приступил к целенаправленным работам по созданию нового оружия. Эти работы продолжались более десяти лет; были выписаны лучшие оружейники Европы; король сам давал им технические задания и проводил испытания новых орудий на полигоне близ Стокгольма. В 1626 г. Мельхюр Вумбрант создал так называемую «кожаную пушку»: тонкий медный ствол обматывался канатами и закрывался кожаным чехлом; эти 3-фунтовые пушки весили 7 пудов — они были в четыре раза легче прежних орудий. Но «кожаные пушки» быстро перегревались и выходили из строя; шведские оружейники продолжали свои эксперименты, и в 1629 г. было создано всепобеждающее новое оружие — «полковая пушка», «*regementsstycke*»³.

В отличие от «кожаной пушки», *regementsstycke* представляла собой цельнолитое медное орудие. При том же 3-фунтовом калибре эта пушка имела вес в 7–8 пудов. «Полковую пушку» могла везти одна лошадь; два-три солдата могли катить ее по полю боя рядом с шеренгами пехоты, и, таким образом, пехота получала постоянную огневую поддержку. Стенки ствола «полковой пушки» были настолько тонкими, что она не могла стрелять ядрами — секрет *regementsstycke* состоял в том, что это была первая пушка, предназначенная для стрельбы картечью. Картечь изредка использовалась и ранее, но ее применение затруднялось трудностями при заряджании. Шведские оружейники создали зарядный патрон, плотный матерчатый мешок, куда помещались картечь и порох. Благодаря применению патронов «полковая пушка» обладала не-

виданной скорострельностью: она делала до шести выстрелов в минуту и буквально засыпала противника картечью⁴.

«Полковая пушка» стала основным оружием шведской армии в Тридцатилетней войне; каждому полку было придано несколько таких пушек. Но шведские литейщики продолжали совершенствовать свое искусство, и к середине XVII в. на заводах известного промышленника Луи де Геера научились отливать легкие чугунные пушки. Эти 4-фунтовые орудия имели более толстые стенки ствола и весили 16–19 пудов; чугунные пушки могли стрелять ядрами, однако для их перевозки требовалась запрежка из двух лошадей и они были менее мобильными. Но чугунные пушки были в *десять раз* дешевле медных, и де Геер мог отливать в год тысячи таких пушек. Швеция стала великой артиллерийской державой⁵.

После изобретения *regementsstycke* в руках Густава Адольфа оказалось новое оружие. Но нужно было создать армию, которая смогла бы использовать это оружие. Швеция была маленькой и бедной страной, в 1623 г. доход королевства составлял 1,6 млн рейхсталеров, на эти деньги можно было содержать не более 15 тыс. наемников. Естественный выход из финансовых затруднений состоял в использовании уникального шведского института — всеобщей воинской повинности. Густав Адольф упорядочил несение этой повинности. В армию стали призывать одного из десяти военнообязанных мужчин и срок службы был установлен в 20 лет. Однако, в отличие от наемников, рекруты-новобранцы представляли собой «сырой материал», поэтому приходилось уделять много времени их обучению — тем более, что их обучали новой тактике, предусматривавшей использование полковых пушек и плотного ружейного огня. Еще одной проблемой было массовое дезертирство новобранцев — естественно, что подневольные рекруты не желали проливать кровь ради завоевания заморских земель. Густаву Адольфу пришлось ввести суровый дисциплинарный устав и наказания шпицрутенами, однако дезертирство так и не удалось искоренить до конца⁶.

В 1626–1630 г. Густав Адольф призвал в войска 50 тыс. рекрутов; таким образом, была создана *первая в Европе регулярная армия*. Однако финансовая проблема была решена лишь отчасти. Содержание постоянной армии требовало огромных затрат, и Густав Адольф испробовал различные способы решения этой проблемы. Он создавал монопольные государственные компании, строил корабли и старался наладить морскую торговлю в обход голландцев. Была монополизирована хлебная торговля: в 1629 г. король скупила весь ливляндский хлеб — около 14 тыс. ластов — по назначенной им цене, а затем перепродал его в Амстердаме вдвое дороже⁷.

В конце концов, Густав Адольф разрешил финансовую проблему путем чеканки медных денег с высокой номинальной стоимостью; он первый стал эксплуатировать монетную регалию, заявляя, что деньги, каковы бы они ни были, имеют ценность только благодаря власти короля, выраженной в наложенном на монету штемпеле. Медные деньги позволили Густаву Адольфу дополнить призывные контингенты наемниками и создать невиданную по тем временам 80-тысячную армию, вооруженную полковыми пушками и облегченными мушкетерами⁸.

Создание легких пушек и регулярной армии породило волну шведских завоеваний. В 1630 г. шведские войска высадились в Германии, а год спустя в битве при Брейтенфельде шведские пушки расстреляли армию императора Фердинанда II. Шведы стали хозяевами Центральной Европы, за двадцать лет войны было сожжено 20 тыс. городов и деревень и погибло 2/3 населения Германии. Пожары Германии засвидетельствовали факт свершившейся «военной революции» — факт рождения регулярной армии. Как полагает Майкл Робертс, военная революция изменила весь ход истории Европы. Появление регулярных армий означало необходимость перестройки финансовой системы европейских государств, необходимость увеличения налогов, что вело к росту бюрократии и усилению королевской власти. Рождение новой армии должно было привести к утрате дворянством положения военного сословия и значительным изменениям в социальной структуре общества⁹.

Естественно, что происходившие на Западе революционные перемены не могли обойти стороной Россию. Регулярная армия — это был вызов, который Европа бросала России — и России предстояло найти ответ.

Когда в ноябре 1631 г. в Москву пришло известие о победе при Брейтенфельде, царь Михаил Федорович распорядился произвести салют и устроить народные гуляния. Швеция была союзником России в давней борьбе с Польшей, и успехи Густава Адольфа позволяли надеяться, что после быстрого окончания германской компании шведы и русские вместе обратятся против

поляков. В надежде на этот союз Москва оказывала прямую поддержку Густаву Адольфу: с 1628 г. русская казна беспощинно продавала Швеции от 3 до 5 тыс. ластов хлеба в год. Разница в ценах на хлеб в России и в Европе была такова, что эта «продажа» в действительности была подарком: шведы покупали хлеб по 5–6 рейхсталеров за ласт и продавали его в Амстердаме по 75 рейхсталеров. Густав Адольф высоко ценил русскую помощь — до такой степени высоко, что предлагал царю поделиться своими военными секретами. В январе 1630 г. в Москву прибыла шведская военная миссия во главе с полковником Александром Лесли (по происхождению шотландцем). В состав миссии входило 2 капитана, 3 лейтенанта и артиллерист Юлиус Коет, владевший секретом отливки полковых пушек. Михаил Федорович тепло приветствовал Лесли и одарил его дорогими подарками — и в ответ полковник предложил не более не менее как преобразовать и перевооружить русскую армию по шведскому образцу! Побывавший в плену в Польше отец царя, патриарх Филарет, был горячим сторонником внедрения западных военных новшеств, поэтому предложение было принято без долгих раздумий. Уже вскоре Юлиус Коет возглавил «новое пушечное дело» и отливал в Москве полковые пушки. Густав Адольф в личном послании объяснял царю преимущества этих пушек и предлагал прислать орудия из Швеции. После длительного согласования планов в январе 1631 г. Лесли в сопровождении двух русских послов отправился в Стокгольм. Царь просил Густава Адольфа разрешить Лесли завербовать 5 тыс. солдат и офицеров шведской службы и закупить в шведских арсеналах 10 тыс. мушкетов. Эти опытные солдаты и офицеры должны были обучить 10 тыс. русских солдат и вместе с ними образовать шесть пехотных полков («нового строя»). Иностранным наемникам платили 4,5 рейхсталера в месяц, русским — 5 рублей (10 рейхсталеров) в год, но в конце концов, стала ощущаться нехватка денег и два полка (в дополнение к первым шести), были сформированы на основе всеобщей воинской повинности. В России с давних пор население было обязано по разверстке поставлять «даточных», но раньше эти даточные служили в обозе — теперь же, по шведскому образцу, из мобилизованных крестьян сформировали солдатские полки. Для финансирования новой армии правительство использовало тот же прием, что и Густав Адольф: пользуясь монополией хлебной торговли, оно продало в 1631 г. свыше 5 тыс. ластов зерна по цене 55 рейхсталеров за ласт. Нужно отметить, что хотя в России и раньше существовала государственная монополия на торговлю некоторыми товарами, продавать за границу хлеб было не принято, и столь объемная продажа была осуществлена впервые¹⁰.

Таким образом, благодаря энергии патриарха Филарета и помощи Густава Адольфа, в России была создана регулярная армия, обученная новейшей военной тактике и вооруженная новым оружием: в этой армии было 66 полковых пушек. Новую армию дополнили дворянской поместной конницей, и осенью 1632 г. возглавляемое воеводой Шеиным 32-тысячное войско двинулось к Смоленску; Лесли командовал передовым полком. Поначалу осада шла успешно, но летом 1633 г., узнав о татарском набеге, дворянская конница самовольно покинула лагерь под Смоленском — такого еще не бывало на Руси. Маленькая регулярная армия осталась один на один с поляками и была окружена численно превосходящим противником. В осажденном лагере не хватало продовольствия, иностранные наемники стали переходить на сторону врага. Осенью 1633 г. умер создатель новой армии и глава правительства патриарх Филарет. Царь Михаил Федорович попытался снарядить новое войско на выручку Шеина, но собравшиеся дворяне отказались выступать в поход: стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы (весь цвет дворянства) били челом царю, жалуясь на «оскудение». Правительство заплатило дворянам по 25 рублей, но время было потеряно, Шеин не получил помощи и подписал соглашение о капитуляции¹¹.

По существу, своим дезертирством из-под Смоленска и отказом выступить на помощь дворяне выдали новое войско на истребление врагам. Дворяне имели причины ненавидеть новую армию: их, несомненно, раздражала очень высокая, сравнительно с их скудными доходами, оплата иностранных наемников и они не могли не понимать, что военная реформа лишала значение поместное ополчение, что она грозила помещикам переводом в рейтары. Не случайно после возвращения Шеина дворянство потребовало казни неповинного ни в чем полководца. Остатки новой армии были распущены, почти все иностранные офицеры (в том числе и Лесли) были высланы из страны; более того, в угоду дворянам правительство стало запрещать въезд ратных иностранцев в Россию. Было оставлено и «новое пушечное дело» — в 1640-х гг. в Москве уже не отливали полковые пушки¹².

Таким образом, первая попытка военной модернизации России по западному образцу закончилась неудачей. Однако эта попытка не прошла бесследно: именно тогда была заложена основа русской военной промышленности. Около 1630 г. на Русь приехал богатый голландский купец Андрей Виниус, который поначалу был посредником в хлебных закупках шведского правительства. В 1632 г. Виниус обратился к царю с неожиданным предложением: он просил разрешения построить в Туле доменный завод для отливки пушек (по иностранному способу из чугуна). К 1637 г. голландский предприниматель построил в районе Тулы четыре завода, а к 1660 г. в России было уже 7 заводов, которые могли выпускать сотни пушек в год. Хуже было с мушкетами, их делали мало, и приходилось закупать большие партии мушкетов в Голландии и Швеции¹³.

Первая попытка создания регулярной армии закончилась неудачей, но военная модернизация оставалась вопросом жизни и смерти; это был тот вопрос, который побуждал к реформам. Главной заслугой реформаторов было понимание той угрозы, перед которой стоит страна, и понимание того, что ответить на силу Запада можно только с помощью Запада. В сущности, это было понимание необходимости модернизации по западному образцу — и это было чрезвычайно важно: в большинстве стран Востока не понимали этой необходимости, и, конечно, эти страны стали колониями европейских держав.

Российской «партии реформ» повезло: ее главой был воспитатель царевича Алексея, боярин Борис Иванович Морозов. Морозов был высокообразованным человеком; он имел большую библиотеку, в которой имелись и книги, написанные на латыни — Тацит, Цицерон, Гален; по-видимому, боярин знал латинский язык. Известный ученый Адам Олеарий был знаком с Морозовым и тепло отзывался о «гофмистере Борисе Ивановиче». Одно время Морозов был компаньоном Виниуса, он слыл великим покровителем «немцев». Морозов старался привить Алексею уважение к достижениям Европы; он показывал царевичу немецкие гравюры и иногда одевал Алексея и его друзей в немецкую одежду. В библиотеке царевича было 29 латинских и немецких книг по арифметике, астрономии, географии, строительному делу, фортификации и т.д.¹⁴

Когда в 1645 г. умер царь Михаил Федорович, Алексею было 16 лет, он всецело подчинился влиянию своего воспитателя, и, таким образом, власть оказалась в руках «партии реформ». Следующие месяцы стали свидетелями настоящей «бархатной революции». Родовитые бояре, возглавлявшие приказы и ведомства один за другим отстранялись от своих постов и отсылались воеводами в дальние города. На смену им приходили незнатные, но преданные Морозову чиновники. Сам Морозов стал главой правительства и непосредственным руководителем пяти приказов. Вторым по значению человеком в правительстве был купец Назарий Чистый. Он заведовал Посольским приказом, а его брат, тоже купец, возглавил Монетный двор. Эти двое купцов вместе с Морозовым и управляющим Сибирским приказом князем Трубецким пользовались постоянными советами Виниуса, и по словам шведского агента Фарбера, «располагали всем правлением». При этом в Думе возникали забавные коллизии, когда, выслушав купеческое «правительство» (братьев Чистых и Виниуса), перед принятием решения его просили выйти за двери¹⁵. Помимо этих купцов в роли советника Морозова выступал еще один крупный торговец, друг Чистого, Василий Шорин. Другие должности были заняты по большей части родственниками главы правительства. Шуриин Морозова Петр Траханиотов стал во главе Пушкарского приказа, другой родственник Морозова, Леонтий Плещеев получил Земской приказ. Все это были незнатные и к тому же неопытные в делах молодые люди, «молодые реформаторы». «В царском совете заседают все молодые и неопытные люди», — доносил из Москвы летом 1647 г. шведский резидент Помереннг¹⁶.

Программа правительства русских «западников» была изначально очевидной: их целью была модернизация России по европейскому образцу. Сразу же после «бархатной революции» в Голландию был отправлен с особой миссией стольник Илья Милославский. Целью миссии было упрочить дружеские отношения с правительством Штатов и заручиться его содействием в проведении реформ. В первую очередь, речь шла о создании армии иноземного строя. Милославский должен был вербовать офицеров, закупать оружие для новой армии и искать мастеров для организации производства мушкетов. Милославский справился со своей задачей, он привез с собой оружейного мастера Индрика Фан Акина, под руководством которого была построена мушкетная мануфактура на Яузе под Москвой. Мушкетные стволы делали в основном из шведского железа, но качество изделий было неважным — шведский резидент Родес писал, что при пробах почти половина мушкетов разрывается. Всем мушкетным производством в России и закупками

за границей заведовал новосозданный Ствольный приказ, начальником которого был назначен только что вернувшийся из Швеции окольный Григорий Пушкин. В 1647–1653 гг. по заказам Ствольного приказа было изготовлено более 40 тыс. мушкетов — но все-таки этого было недостаточно для многочисленного русского войска¹⁷.

С приходом к власти Морозова в Россию вернулся полковник Лесли, который был немедленно принят на царскую службу — это было знаковое событие, ведь Лесли еще перед Смоленской войной пытался реформировать русскую армию по шведской модели. В 1647 г. по заказу правительства в Голландии был отпечатан переведенный с немецкого строевой устав «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей». Было завербовано большое количество иностранных офицеров; осенью 1646 г. началось формирование драгунских полков в Комарицкой волости на южной границе; весной 1648 г. в Москве был сформирован первый рейтарский полк. Однако реформа сталкивалась с финансовой проблемой: налоги были незначительны и у государства не было средств для формирования новой армии. Вначале Морозов попытался собрать недоимки от прежних лет. Эта попытка ярко высветила реформаторский характер правительства: оно возложило недоимки за сбор налогов на тех, кто их собирал — на восвод. Это было нечто неслыханное: захватившие Кремль чиновники и купцы угрожали «правежом» родовитым боярам! Однако вскоре правительство испугалось своей смелости и отменило указ. Было решено перейти к осуществлению финансовой реформы¹⁸.

Морозов и его советники предполагали решить финансовую проблему введением соляной пошлины: в этом случае пошлину будут вынуждены платить все, в том числе и мало платившие до тех пор помещицы, крестьяне и даже дворяне. Однако реформаторы просчитались: соли стало продаваться гораздо меньше, чем прежде. Оказалось, что население не в состоянии покупать дорогую соль, и казна, временно отказавшаяся от сбора прямых налогов, осталась без средств. Через два года после введения, в декабре 1647 г., соляная пошлина была отменена, и правительство стало собирать старые налоги за эти два года — как будто оно ничего не обещало. В 1648 г. население должно было выплатить налоги за три года: за текущий год и за два предыдущих. При таких обстоятельствах восстание было неизбежным¹⁹.

2 июня 1648 г., во время крестного хода в Москве, посадские люди пытались подать царю петицию с обвинениями в адрес правительства. Царь отказался принять петицию — тогда началось восстание. Были разгромлены дворы всех высших чиновников, был убит Назарий Чистой, настигнутый толпой в своем доме. Недовольные убавкой жалования стрельцы перешли на сторону восставших. Толпа требовала выдачи Морозова, Плещеева и Траханиотова. Испуганный царь выдал Плещеева и Траханиотова, но восстание не прекращалось. 7 июня правительство показало, на кого оно опирается: наемные «немцы» — офицеры и солдаты — были призваны в Кремль и заняли оборону на стенах. 10 июня дворяне и посадские люди собрались на большую сходку. Когда царь узнал об этом, он, чтобы спасти Морозова, организовал его бегство в Кирилло-Белозерский монастырь. Посоветовавшись, дворяне и посадские потребовали у царя созыва Земского Собора, на котором они «члунут бить челом государю о всяких своих делах» — то есть предъявят свои требования. В сентябре собрался Земской Собор, и царь был вынужден удовлетворить все требования дворянства и посадских людей, требования, которые высказывались уже давно, но не находили ответа. На Соборе раздавались голоса об удалении иностранных офицеров: дворянство по-прежнему было против создания регулярной армии. Правительству с трудом удалось уклониться от обсуждения этого вопроса²⁰.

Приняв основные требования восставших, царь сумел добиться «прощения» для Морозова. Он вернулся из Кириллова монастыря и снова стал принимать участие в делах правительства. Однако, пережив смертельную опасность, Морозов стал осторожнее, он уже не занимал видных постов, передав их своему другу Милославскому. Шведский резидент Родес писал, что Морозов имеет влияние не меньше, чем раньше, но предоставляет имя правителя носить Милославскому²¹.

Недовольство, выплеснувшееся во время восстания и на Земском соборе, в конце концов, переросло в движение против иноземцев, которое развернулось под знаменем защиты православия. В начале 1652 г. собрался церковный собор, который постановил принять меры против нарушения иностранцами православных обычаев. На соборе прозвучали обвинения в адрес полковника Лесли. Говорили, что Лесли вместе с другими офицерами развлекался тем, что стрелял по кресту на куполе церкви, а его жена бросила в печь икону и заставляла русских слуг есть в

пост собаچه мясо. «Первым плодом этого было то, что открыто было провозглашено, что ни один русский впредь не должен служить у некрещеных язычников, под чем они разумеют всех чужестранцев, под страхом бития батогами... — доносил Родес. — Сходятся 10–20 стрельцов, вторгаются совершенно неожиданно в дома иностранных офицеров и купцов, обыскивают их, и, если находят русского, то отводят под замок... Так же хотят объявить, что у всех тех, кто имеет здесь поместья, будет их имущество обратно отнято... Это направлено против поступка Лесли, который теперь, на старости лет, сидит в заточении...»²²

В июле 1652 г. церковный собор избрал патриархом Никона, страстного проповедника и ревнителя церковной чистоты. С этого момента реформаторы на время утратили часть своего влияния на царя. Возле Алексея появился новый человек, обладавший необычайным ораторским даром и способностью убеждать. Алексей и раньше был ревнив к вере, и патриарх задел его чувства, возбудив их против «еретиков». По словам шведского резидента Эберса, началась «московская реформация»²³. Новый патриарх начал с того, что запретил немцам ходить в русском платье. Ослушников таскали в приказ и наказывали кнутом. Ни один иностранец не должен был держать у себя русских икон. Шведский двор подвергся самому тщательному осмотру с целью убедиться, что там не было православных образов и крестов. Русским было категорически запрещено поддерживать дружеские отношения с немцами, ходить в их дома, есть и пить с ними. Появление иноземцев на улицах сопровождалось недружелюбными возгласами: «Кыш на Кокуй, поганые!», а мальчишки были не прочь запустить им вдогонку камень. («Их громко обызывают глупейшей бранью, «пишнями», — свидетельствует Рейтенфельс, — ведь право, этим шипением («кыш!» — С.Н.) обычно пугают птичек»²⁴. По утверждению Олеария, от названия слободы Кокуй возле Москвы, где проживало много немцев, происходит самое грязное русское ругательство: «Пошел на...!»²⁵. Поджоги домов в Кокуе и нападения на «немцев» были нередким явлением. Помимо непомерной алчности им вменяли в вину «скобление рыла», то есть бритье бород, и курение «богомерзкой травы», табака²⁶. Наконец, был издан строгий приказ: «Кто из немцев желает перекреститься по русскому обряду, тот пусть остается жить в городе, но кто отказывается поступить так, тот обязан в течение короткого времени вместе с жилищем своим выбраться из города за Покровские ворота, в Кокуй...»²⁷.

У многих «немцев» были в Москве добротные каменные дома, и переселение грозило им разорением. Еще большее впечатление произвела угроза отнятия поместий у тех, кто откажется креститься по православному обряду. Немецкие офицеры собрались и подали царю коллективное прошение, требуя отставки и отпуска на родину. Очевидно, этого и добились определенные круги дворянства: как и в 1634 г., речь шла об изгнании «ратных иноземцев» из России. Прошение осталось без ответа, и многие «немцы», действительно, уехали из России. Но Милославский и царь попытались спасти положение. Тем, кто решит креститься, были обещаны большие подарки. В сентябре 1652 г. крестилась большая группа офицеров во главе с Лесли, который был не только помилован, но и получил огромное богатство, подарки на сумму 23 тыс. рублей. После крещения в доме Милославского состоялось православное венчание полковника с его женой. Крестившиеся вместе с Лесли офицеры получали поместья в 100–200 рублей деньгами, и даже простые солдаты записывались дворянами по «московскому списку»²⁸.

«Дело Лесли» показало, что и оппозиция, и реформаторы хорошо понимали роль этого «специалиста по реформам». Но несмотря на подарки и уговоры, многие иноземцы не приняли православия. Часть из них уехала, остальные стали постепенно перебираться в Немецкую слободу. Однако и в слободе «немцы» не знали покоя: когда они отстроили здесь две протестантские церкви, в слободу ворвалась толпа негодующих русских, сорвала крыши церквей, разломала и выбросила на улицу алтари. Лишь через некоторое время немцам было позволено восстановить церкви — но без алтарей и кафедр проповедников²⁹. В 1653 г. политика властей неожиданно смягчилась. Русским было строго запрещено оскорблять немцев и несколько ослушников были наказаны плетью. Назревала война с Польшей, и обстановка заставляла спешить с продолжением начатой перед восстанием военной реформы. В 1653 г. были сформированы четыре полка иноземного строя, но на большее не было денег. Мануфактура на Яузе работала на полную мощность, но мушкетов все равно не хватало, и в октябре в Голландию направился подьячий Головин с небывалым по масштабам заказом на 20 тыс. мушкетов; одновременно с ним Виниус должен был закупить большое количество порох³⁰.

Финансовая проблема не была решена, и густая казна оставалась камнем преткновения, лежащим на пути создания новой армии. В этой сложной ситуации ярко раскрылись таланты и познания реформаторов. Они нашли выход в проведении новой финансовой реформы, в чеканке медных денег. Если придерживаться версии К.В. Базилевича, то идея выпуска медных денег принадлежала псковскому дворянину А.Л. Ордин-Нащокину, который в 1654 г. прислал в правительство некие «статьи в тетрадех». В этих статьях говорилось о том «как для пополнения ратей в полки с поместей и с вотчин и с скольких дворов даточных и рейтар взять, и почем им в год кормовых денег давать, и как о медных деньгах для тех же ратных людей промысл чинить». Сами «тетради» не сохранились, но из названия и из более поздних писем Нащокина видно, что он предлагал финансировать создание новой армии за счет выпуска медных денег и комплектовать ее с помощью набора даточных-рекрутов. Предложения Ордин-Нащокина полностью копировали реформу, проведенную в 1625–1630 гг. шведским королем Густавом Адольфом. Именно так, с помощью введения медных денег и рекрутских наборов Густав Адольф создал первую в Европе регулярную армию. Ордин-Нащокин был дипломатом, он несколько раз участвовал в переговорах со шведами, знал немецкий, польский и латинский языки и, очевидно, был курсе обстоятельств шведских реформ. Однако, возможны и другие версии происхождения денежной реформы. Имеются свидетельства об участии в ней Морозова и Ртищева. Не следует забывать, что ближайшим советником Милославского был Лесли. Так или иначе, московское правительство было хорошо информировано о европейских событиях. Посольский приказ выписывал около полусотни европейских газет³¹.

Необходимо отметить, что реформаторы использовали еще два финансовых приема, заимствованных у шведов. Во-первых, используя государственную монополию, они в огромном количестве продавали на внешнем рынке русский хлеб. В 1650–1653 гг. продавалось ежегодно по 10 тыс. ластов — Россия еще не знала таких масштабов хлебной торговли. Другой применявшийся реформаторами метод получения денег вызывает ассоциации с германской практикой Густава Адольфа. Все церкви были обложены данью, а в монастырях проводились насильственные конфискации ценностей. «Ведомо нам учинилось, что у вас в монастыре есть деньги многие, — писал царь тихвинским монахам в 1655 г., — и мы указали взять у вас на жалование ратным людям 10 тысяч рублей...»³².

Чеканка медных денег, продажа хлеба и конфискации в монастырях позволили незамедлительно начать войну с Польшей и оказать помощь восставшей Украине. Однако создавать новую армию не было времени, и Россия вступила в войну с тем войском, которое было — с несколькими полками «иноземного строя» и со 100-тысячным средневековым воинством, с поместной конницей и стрельцами. Весной 1654 г. армия, возглавляемая царем Алексеем Михайловичем, выступила в поход. Лесли, ставший к этому времени генералом, находился при царе в качестве главного военного советника и руководил осадой Смоленска³³.

В отсутствие царя фактическим правителем в Москве почти на три года остался патриарх Никон. Его официально именовали «великим государем», и он претендовал на власть, равную царской. Никон продолжал политику фундаменталистской реакции. Он начал преследования русских «западников». Им запрещалось носить немецкую одежду, в боярских и в купеческих домах устраивали обыски и изымали «фряжские» иконы. Позже, когда царь на время приехал в Москву из армии, патриарх устроил судилище над «арестованными» иконами. Он поднимал икону над головой, показывая ее толпе, и громогласно объявлял в чьем доме она найдена — а затем бросал на железные плиты пола, так что она разбивалась в щепки. Вельможи из числа реформаторов, владельцы французских и польских икон, были смертельно напуганы, они ждали, что их обвинят в ереси — но буря прошла стороной³⁴.

Между тем, военное положение резко изменилось: с запада в Польшу вторгся шведский король Карл X. Часть польской шляхты решила выйти из затруднительного положения, избрав Карла на польский престол; таким образом, для России война с Польшей грозила превратиться в войну со Швецией. Окрыленный успехами в Польше, царь Алексей сменил фронт и двинулся на Ригу. Лесли предупреждал царя, что русскому войску предстоит сражаться с первой в Европе регулярной армией — но царь приказал престарелому генералу руководить осадными работами. В октябре 1656 г. под Ригой русская армия потерпела тяжелое поражение от многократно уступавшего в численности шведского войска. В следующем году последовало новое поражение под

Валком, шведы взяли приступом и разграбили знаменитый Псково-Печерский монастырь. Эти поражения заставили реформаторов приступить к скорейшему созданию новой армии³⁵.

После разгрома под Ригой все руководство русской армии во главе с царем принялось за изучение европейской военной техники и организации. В 1658 г. Алексей Михайлович заказал в Голландии несколько военных руководств, в том числе «Книгу огнестрельную в четырех частях» и «Книгу пушечным двором». По-видимому, именно в это время в библиотеке Тайного приказа появились «Книга судебная и о ратном ополчении», «Книга о наряде и огнестрельной хитрости» и «Роспись образцовым артолерейским пушкам»³⁶.

Началась создание регулярной армии. Было решено комплектовать новую армию так же, как в Швеции, набирая рекрутов с определенного числа дворов, причем (как и в Швеции) норма набора с помещичьих крестьян была меньше, чем с государственных. Прежде в России бывали наборы «даточных людей», их набирали на одну военную кампанию, то есть на лето, осенью «даточного» отпускали домой, и он снова становился крестьянином. Если в следующий год снова брали «даточных», то воевать шли другие люди. Теперь «даточные» превратились в рекрутов, они должны были служить всю жизнь; лишь во время мира их могли отпустить в родную деревню. Новые солдаты находились полностью на содержании государства. Они получали жалование и обеспечивались обмундированием и оружием. Это были неслыханные для России порядки — ведь крестьянина на долгие годы отрывали от земли и от дома. Правда (как и в Швеции) солдаты получали неплохое жалованье — по 6 копеек в день, это было оплата квалифицированного ремесленника³⁷.

Создание новой армии было немислимо без приглашения тысяч иностранных офицеров, а ее финансирование требовало новых конфискации церковных ценностей. В этой обстановке вспыхнул резкий конфликт между Никоном и царем. Позднее Никон выставлял причиной конфликта то, что царь «обнищал и ограбил святую церковь»³⁸. Летом 1658 г. Никон был низложен, а осенью этого года был проведен первый массовый набор «даточных». Затем последовали еще два набора, которые дали в общей сложности 51 тыс. солдат. Царь дал задание русскому резиденту в Голландии, Ивану Гебдону, подыскать в Европе командира и офицеров для новой армии, и Гебдон подписал контракт с английским генералом Эргардом, и, кроме того, нанял три тысячи офицеров. По словам имперского посла Мейерберга, в русской армии было больше ста иностранных полковников и «почти бесчисленное множество капитанов и прапорщиков». Формирование новой армии было ускорено страшным разгромом поместного ополчения у Конотопа в июне 1659 г. Стало ясно, что средневековая дворянская конница не может сражаться не только со шведами, но и с татарами. К началу 60-х гг. было сформировано 55 полков «иноземного строя» с русскими солдатами и иностранными офицерами. Дело не ограничивалось формированием солдатских пехотных полков. Старую дворянскую конницу учили сражаться в строю и создавали полки рейтар. Дворяне, конечно, были недовольны, но после Конотопа им пришлось смириться с новой реальностью. Но Милославский на всякий случай застраховался от возможных осложнений. В 1657 г. были созданы два гвардейских («выборных») солдатских полка, которые разместили в слободах под Москвой³⁹.

Однако оставалась проблема вооружения новой армии. К 1662 г. было организовано производство мушкетов на Черниговском заводе под Тулой. Тем не менее, оружия не хватало, и в свыше 60 тыс. мушкетов было закуплено в Голландии. Но самое главное: нужно было вооружить новую армию *новым оружием*, легкими полковыми пушками. На этот раз пришлось создавать «новое пушечное дело» без шведской помощи — и это оказалось намного труднее. Царь просил прислать из Голландии книгу о том, «какие пушки надобно... и в обозе и в полке... и какими легкими снастями их возить». Гебдону было предложено срочно «призвать из немецких земель... огнестрельных мастеров, которые б умели стрелять из верхова и ис полкового наряду... и гранатных мастеров, которые составляют составы, как стрелять из верховых и ис полковых пушек»⁴⁰. В 1660 г. в Голландии было закуплено 300 пушек — по-видимому, это были шведские пушки, поскольку голландцы и прежде продавали России шведские чугунные орудия. По сообщению А. Роде созданием новых моделей русских пушек руководил датский полковник Николай Бауман, причем царь Алексей (подражая Густаву Адольфу?) не только присутствовал на испытаниях, но и сам рисовал чертежи артиллерийских орудий. Одноременно в Новгороде пытались делать «кожаные пушки», а на московском Пушечном дворе мастер Иванов отлил шесть 3-фунтовых медных пушек, имевших вес 20 пудов. Однако не всякий литейщик обладал мастерст-

вом Иванова, и эти пушки не пошли «в серию»; на вооружение были приняты 2-фунтовые орудия, имевшие тот же вес, но больший запас прочности. В 1664 г. в Москве было отлито 60 медных 2-фунтовых пушек; позднее на тульских заводах стали отливать чугунные 2-фунтовые орудия. Таким образом, русская армия получила полковые пушки, но менее мощные, чем пушки де Геера⁴¹.

Россия не могла сражаться сразу с тремя противниками, Швецией, Польшей и Крымом, и правительство поспешило заключить мир с самым опасным врагом, Швецией. Все силы были обращены против поляков (которые к тому времени изгнали Карла X). Летом 1660 г. 35-тысячная русская армия под командованием князя Шереметева выступила в поход на Львов. Ядро этой армии составляли полки иноземного строя. Шереметев должен был действовать вместе с новым украинским гетманом Юрием Хмельницким, сыном Богдана Хмельницкого, но украинцы перешли на сторону Польши. В результате русское войско было окружено на Западной Украине превосходящими силами поляков и татар. Окруженные русские построили движущийся «табор» из телег и полтора месяца отступали, отбиваясь от нападавших со всех сторон врагов. Однако в конце концов в русском «таборе» закончилось продовольствие, и в безвыходном положении Шереметев подписал соглашение о капитуляции⁴².

Имперский посол Мейерберг дал следующую оценку действиям новой русской армии: «Пехотинцы дерутся превосходно, переставаясь на месте, пока находятся за укреплениями или плотно огорожены переносным забором из поперечных брусьев, из которых во все стороны выставлены пики... А конники никогда не показывают опытов такой же военной храбрости, потому что дворян, недостойных этого названия, никак нельзя заставить, чтобы они напали на неприятельский строй... Они бегут, бесстыдно покидая пехоту и подвергая ее плену или смерти»⁴³.

Поперечные брусья с пиками, о которых говорит Мейерберг, назывались «испанскими рогатками». Такого рода противокавалерийские «ежи» использовались и в шведской армии. Это был существенный элемент новой тактики регулярных армий. Находясь под защитой этих переносных укреплений, солдаты могли отражать атаку кавалерии огнем из мушкетов и пушек. Овладение новой тактикой говорит о том, что несмотря на все неудачи, реформаторы добились своей цели. Они создали регулярную армию европейского типа, не взимая с населения чрезвычайных налогов, с помощью приема, который в наше время называют инфляционной политикой. Как отмечалось выше, этот прием в свое время использовал Густав Адольф, и русские политики, конечно, знали, к чему привела политика шведского короля. Медные деньги со временем обесценились, и начался быстрый рост цен. Однако Густав Адольф успел создать армию и одержать победу. Разграбление побежденной Германии решило все финансовые проблемы. Морозов и Милославский надеялись на победу и шли ва-банк. В первые два года войны на содержание войск было истрчено 1300 тыс. рублей, но курс медных денег был еще достаточно устойчив. Затем — в связи с созданием новой армии — расходы резко возросли, и правительство увеличило чекан медной монеты. За пять лет ее было выпущено на 20 млн рублей. Естественно, началась инфляция. Обычная цена четверти ржи в Вологде составляла около 90 денег; в конце 1658 г. цена выросла до 160 денег, а к осени 1661 г. — до 2,5 рублей (500 денег). «Купцы просили за свои товары, а крестьяне за свой хлеб и другие съестные припасы вдвоедоро против обыкновенного», — свидетельствует Мейерберг. 25 июля 1662 г. в Москве вспыхнул «медный бунт». Толпа посадских людей требовала выдать ей на расправу «изменников», чеканивших медные деньги, в том числе Милославского и Шорина⁴⁴.

Это было уже второе восстание против правительства реформаторов. На этот раз Милославский учел прошлый опыт и знал, что делать. Были вызваны полки стрельцов, а в подкрепление к ним, все офицеры из Немецкой слободы на Кукуе. Бунт был подавлен, однако положение продолжало ухудшаться. В январе 1663 г. четверть ржи в Вологде стоила 24 рубля. Между тем, солдатам и офицерам новой армии платили медными деньгами, а крестьяне не продавали хлеб на медь⁴⁵. «В Быкове хлебных запасов нет, ратные люди едят траву и лошадей», — докладывал смоленский воевода в 1662 г.⁴⁶ В самом Смоленске на рынке не было хлеба, потому что крестьяне, собрав урожай, прятали его в ямы — боялись, что солдаты отнимут зерно. Дезертирство приняло массовый характер. В Москве сам царь два раза упрашивал войско не покидать службы⁴⁷.

Таким образом, новая армия была создана на медные деньги и начала распадаться, когда эти деньги обесценились. Правительству, в конце концов, пришлось отказаться от чеканки медяков и возвращаться к серебряной монете. Чтобы получить эту монету, реформаторы еще раз ис-

пользовали прием монополизации внешней торговли. В 1662 г. была взята в монополию торговля основными экспортными товарами: пенькой, юфтью, поташем, смолой, соболями, салом, лесом. Все перечисленные товары забирались у купцов с выплатой компенсации медными деньгами и продавались иностранцам за серебро. Тем не менее, доходы не могли обеспечить содержание армии, и уже в январе 1664 г. царь начал переговоры о мире с Польшей. В 1667 г. был заключен договор о перемирии в Андрусове⁴⁸.

Морозову было не суждено увидеть завершения войны и реформы, он умер осенью 1661 г., еще до «медного бунта». Царь до последнего дня навещал своего первого советника и сидел у постели умирающего, отдавая ему дань уважения и любви. Заслуги Морозова как фактического руководителя правительства были очевидны не только царю: «Муж, достойный вечной славы», — писал о Морозове Юрий Крижанич. Последний жест Морозова имел символический характер: он распорядился раздать большую часть своего огромного наследства немецким офицерам новой армии⁴⁹.

После смерти Морозова оставшийся в одиночестве Милославский руководил правительством еще несколько лет. Незадолго до окончания войны Милославского разбил паралич, и он передал дела Ордин-Нащокину, который и заключил мир⁵⁰. В целом, несмотря ни на что, это была победа. По договору в Андрусове Россия вернула Смоленск, присоединила восточную Украину и расширила свою территорию за счет богатых и густонаселенных областей. Это сразу увеличило доходы казны и силу государства. Теперь Европе приходилось уважать «москвитов».

Одновременно с победой над внешним врагом была одержана другая, не менее значимая победа: была создана новая армия. Своевременное заключение мира спасло начавшую распадаться армию. Полки иноземного строя были на время распущены по домам, чтобы вскоре собраться для новой войны. Противники быстро почувствовали возросшую силу России. В 1678 г. в битве под Чигирином новая армия нанесла поражение дотле страшным для Москвы османам. В ходе этого сражения Московский полк продемонстрировал, как будут одерживаться победы Миниха и Румянцева: окруженный турками, полк построился в каре и отбивал атаки противника огнем полевых пушек и ружейными залпами. Турецкие военачальники признавали, что были удивлены доблестью русской пехоты⁵¹.

Таким образом, русская регулярная армия была создана задолго до петровских реформ, и это признавал сам Петр I. В начале своего манифеста о Воинском уставе Петр писал: «Понеже всем есть известно, коим образом отец наш... в 1647 г. начал регулярное войско употреблять и устав воинский издан был...» Необходимую для новой армии военную промышленность тоже создал не Петр, — она была создана Винниусом и Марселисом. Петр Великий продолжал начатые до него реформы, при этом во многом подражая своим предшественникам. Снова вводил соляную пошлину и медные деньги, снова монополизировал внешнюю торговлю и отнимал богатства у церкви.

Как бы то ни было, военная реформа стала свершившимся фактом уже в середине XVII века — и это имело колоссальное значение для будущего России. Военная организация во все времена является основой государственной организации. В старом Московском царстве основой государства была поместная система. Воины-дворяне получали средства на содержание за счет доходов с крестьян. После польской войны поместное ополчение перестало существовать⁵². В новой армии солдаты набирались из крестьян и обеспечивались за счет государства. Это означало, что поместная система становится ненужной, что содержание армии должно производиться за счет сбора налогов, что на смену помещикам должны прийти чиновники-фискалы и чиновники-офицеры. Это подразумевало увеличение налогов и финансовую реформу. Мы помним, что эта реформа не удалась Морозову и Милославскому, и им пришлось создавать армию на временной основе инфляционной политики. Таким образом, для последующих поколений реформаторов, для Ордин-Нащокина, Голицына и Петра I, еще оставалось много работы. Но главное было сделано — был сделан решающий шаг к модернизации страны по европейскому образцу. России больше не грозила участь Индии или Польши.

Примечания

¹ Историкографно вопроса см.: Баргер X. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985.

² Roberts M. Essays in Swedish History. London, 1967, p.195.

³ Roberts M. Gustavus Adolphus, p.232; Нилус А. История материальной части артиллерии. Т.1. СПб, 1904. С.142–143

⁴ Нилус А. Указ. соч. С.146; Roberts M. Op.zit., p.233.

⁵ Нилус А. Указ. соч. С.142; Roberts M. Op.zit., p.231.

- ⁶ Roberts M. Op. zit., p.64, 210, 238-241; Разин Е.А. История военного искусства. Т. III. СПб., 1994. С.388, 396.
- ⁷ Roberts M. Op. zit., p.84, 87; Поршня Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С.206.
- ⁸ Берендс Э.С. Государственное хозяйство Швеции. Ч.1. СПб., 1890. С.176, 196, 200.
- ⁹ Roberts M. Essays in Swedish History, p.195-216.
- ¹⁰ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. V. М., 1990. С.153, 268; Поршня Б.Ф. Указ. соч. С.243-245; Дьяков П. Семейство Лесли в шведский период (1630-1635) Тридцатилетней войны // Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С.155-157; Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. М., 1954. С.136.
- ¹¹ История отечественной артиллерии. Т.1. Кн.1. М., 1959. С.331; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. V. С.156, 265.
- ¹² Сырнов П.П. Последние люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т.1. М.-Л., 1947. С.405; Чернов А.В. Указ. соч. С.137; Мурашев Н. О пушечном литейном искусстве в России // Журнал Министерства народного просвещения. 1838. № 9. С.544; Володин Д. Честь воеводы // Родина. 1998. № 2. С. 42-43.
- ¹³ Гамель И. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1828. С.6-12, 27; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. V. С.291.
- ¹⁴ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VII. М., 1990. С.131; Олещарь А. Путешествие в Московию. С.378, 388, 415; Иловайский Д.И. Отец Петра Великого М., 1996. С.421; Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых // Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). 1847. № 5. С.103; Жарков В.П. Боярин Борис Иванович Морозов — государственный деятель России XVII века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001. Л.58-59, 64; Мейерберг А. Путешествие в Московию // Утверждение династии. М., 1997. С.152.
- ¹⁵ Письмо одного шведа из Москвы в 1647 году писанное // Северный архив. 1822. Ч.1. С.151.
- ¹⁶ Форстен Г.В. Сношения Швеции с Россией в царствование Христины // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1891. Июнь. С.372.
- ¹⁷ Гамель И. Указ. соч. С.17; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. V. М., 1990. С.591-593; Якубов К.И. Россия и Швеция в первой половине XVII века // ЧОИДР. 1898. Кн.1. С.410; Курц Б. Состояние России в 1650-1655 годах по донесениям Родеса // ЧОИДР. 1915. Кн.2. Отд. II. С.100; Епифанов П.П. Очерки по истории армии и военного дела в России (вторая половина XVII — первая половина XVIII века) Дисс. ... докт. ист. наук. М., 1969. С.201; Фалина Е.И. Царь Алексей Михайлович и политическая борьба при Московском дворе (1645-1652) // Российская монархия. Вопросы истории и теории. Воронеж, 1998. С.100.
- ¹⁸ Сырнов П.П. Указ. соч. Т.2. С.19, 29-30; 138, 150; Чернов А.В. Указ. соч. С.151; Иловайский Д.И. Указ. соч. С.126; Новосельский А. А. Дворянские крестьяне Комаринской волости во второй половине XVII века // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С.66; Олещарь А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах М., 1870. С.318.
- ¹⁹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. V. С.189.
- ²⁰ Городские восстания... С.37, 39, 46-51; Сырнов П.П. Указ. соч. Т.2. С.168-233, 243; Очерки истории СССР. С.232-233, 245-249; Олещарь А. Путешествие в Московию... С.384.
- ²¹ Курц Б. Указ. соч. С.93; Базилевич К.В. Указ. соч. С.108.
- ²² Курц Б. Указ. соч. С.97-98.
- ²³ Форстен Г.В. Сношения Швеции с Россией в второй половине XVII века // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1898. Февраль. С.221.
- ²⁴ Рейтенфельс Я. Сказание о Московии // Утверждение династии. М., 1997. С.348.
- ²⁵ Олещарь А. Подробное описание путешествия голландского посольства в Московию и Персию. М., 1870. С.371.
- ²⁶ Витсен Н. Путешествие в Московию 1664-1665. СПб., 1996. С.153; Ульянов В.Я. Западное влияние в Русском государстве // Три века. Т.11. М., 1991. С.48-50.
- ²⁷ Цит. по: Олещарь А. Путешествие в Московию. С.411.
- ²⁸ Строржев В.Н. Подярки царя Алексея Михайловича полковнику Лесли «для крещения и за подначальство». М., 1895. С.2, 6; Курц Б.Г. Указ. соч. С.102-104; Цветаев Д. Указ. соч. С.342; Олещарь А. Подробное описание... С.318.
- ²⁹ Бернадский Г.В. Московское царство. М., 1997. Ч.1. С.388-389; Олещарь А. Путешествие в Московию... С.412.
- ³⁰ Гурлянд И.Я. Иван Геблон. Комаринский и резидент. Ярославль, 1903. С.9; Епифанов П.П. Указ. соч. С.211; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. V. С.593; Олещарь А. Подробное описание... С.371.
- ³¹ Базилевич К.В. Указ. соч. С.12; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VI. М., 1990. С.47; Галактионов И.В., Чистякова Е.В. Ордин-Нащокин — русский дипломат XVII века. М., 1961. С.17; Разин Е.А. Указ. соч. С.223; Сапунов Б.В. Немские книги и газеты в Москве XVII в. (из истории русских культурных связей) // Книга: исследования и материалы. 1994. Вып.68. С.300; Курсков Ю.В. Ведущее направление общественной мысли и проекты государственных преобразований России 40-60-х годов XVII века. Чита, 1973. С.17; Мейерберг А. Указ. соч. С.153.
- ³² Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VII. М., 1991. С.122; Курц Б. Указ. соч. С.159.
- ³³ Коллинс С. Указ. соч. С.206.
- ³⁴ Катгерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т.1. Сергиев посад, 1909. С.153-155.
- ³⁵ Иловайский Д.И. Указ. соч. С.174, 176; Белов М.И. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII-XVIII вв. М., 1966. С.61.
- ³⁶ Гурлянд И.Я. Указ. соч. С.10; Заозерский А. Парская вотчина в XVII веке. М., 1937. С.246-248.
- ³⁷ Чернов А.В. Указ. соч. С.138, 153; Калинин Ф.И. Правовые вопросы военной организации русского государства второй половины XVII века. М., 1954. С.70-71; Берендс Э.С. Указ. соч. С.196; Мейерберг А. Указ. соч. С.163; Каменищ и портной получали 5-6 копеек в день. См.: Довнар-Запольский М.В. Торговля и промышленность Москвы. XVI-XVII вв. М., 1910. С.75.
- ³⁸ Цит. по: Катгерев Н.Ф. Указ. соч. Т.2. С.190.
- ³⁹ Гурлянд И.Я. Указ. соч. С.8, 10, 26; Мейерберг А. Указ. соч. С.158; Чернов А.В. Указ. соч. С.145, 162; Малов А. Рождение регулярной армии // Независимое военное обозрение. 2001. 20 июля.
- ⁴⁰ Цит. по: Гурлянд И.Я. Указ. соч. С.14, 48.
- ⁴¹ Гамель И. Указ. соч. С.6; Роде А. Посольство Ордерландта // Утверждение династии. М., 1997. С.25; Колосов Е.Е. Развитие артиллерийского вооружения в России во второй половине XVII века // Исторические записки. 1962. Т.71. С.260-261; Епифанов П.П. Указ. соч. С.265.
- ⁴² Иловайский Д.И. Указ. соч. С.210-216; Мейерберг А. Указ. соч. С.163.
- ⁴³ Мейерберг А. Указ. соч. С.161.
- ⁴⁴ Разин Е.А. Указ. соч. С.396; Ульянов В.Я. Финансовые реформы царя Алексея Михайловича и «гильд» 1662 года // Три века. Т.1. М., 1912. С.208; Мейерберг А. Указ. соч. С.160; Базилевич К.В. Указ. соч. С.26, 39-40, 42, 108.
- ⁴⁵ Базилевич К.В. Указ. соч. С.40.
- ⁴⁶ Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VI. С.115.
- ⁴⁷ Базилевич К.В. Указ. соч. С.36; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VI. С.117.

⁴⁸ Курсков Ю. В. Указ. соч. С. 61.

⁴⁹ Крижанович Ю. Июлитика. М., 1997. С. 134; Гордон П. Дневник генерала Патрика Гордона. Ч. 2. М., 1892. С. 20; Мейерберг А. Указ. соч. С. 152.

⁵⁰ Коллинс С. Указ. соч. С. 220.

⁵¹ Илювацкий Д. И. Указ. соч. С. 461; Разин Е. А. Указ. соч. С. 252.

⁵² Чернов А. В. Указ. соч. С. 162.

*Г. И. Обухова
(Ижевск)*

О РОЛИ КУПЦОВ И КОМИССИОНЕРОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ КАМСКО-ВОТКИНСКОГО ЗАВОДА ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В начале XIX в. снабжение казенных заводов Урала продовольствием, фуражом и необходимыми для производства материалами осуществлялось администрацией через специально выбранных из числа чиновников комиссионеров, ведущих закупки у оптовых торговцев (купцов или крестьян-скупщиков), а также путем приобретения продовольствия на местных рынках в базарные дни от приезжающих крестьян из ближайших деревень и сел.

Была распространена подобная практика и на Камско-Воткинском заводе. Вместе с тем, при заготовке продовольствия подобным способом, администрация завода постоянно испытывала большие затруднения, связанные с монополией на хлебном рынке купцов, ведущих крупную оптовую торговлю хлебом и диктовавших свои цены на закупаемый хлеб (рожь и муку), овес, крупы и другую сельскохозяйственную продукцию.

Исследование роли купечества в первой половине XIX в. в подрядах на поставку продовольствия Камско-Воткинскому заводу, ситуации на хлебном рынке Сарапульского уезда в данный период лишь косвенно затрагивалось в работах историков Удмуртии, поэтому нуждается в дальнейшем изучении¹. Сарапульский уезд Вятской губернии, отличавшийся плодородием почв, хорошей урожайностью, близостью к водным транспортным магистралям (Кама и Волга), уже с XVIII в. являлся местом активной скупки хлеба; здесь действовала масса комиссионеров различных ведомств, крупные частные торговцы, а также зажиточные крестьяне.

В первой половине XIX в. на территории уезда закупалось продовольствие для войск и Адмиралтейства, этапных команд, Архангельска, Санкт-Петербурга, Рыбинска, Казани, Нижнего Новгорода, Астрахани, Пермской губернии, винокуренных и металлургических заводов Вятской губернии, а также ближайшего к Камско-Воткинскому Ижевского оружейного завода. Ежегодная потребность Камско-Воткинского завода составляла от 140 до 180 тыс. пуд. ржаной муки, от 40 до 60 тыс. пуд. овса и от 15 до 20 тыс. пуд. сена. Так, для действия завода в 1809 г. и обеспечения мастеровых и непрерывных работников продовольствием требовалось заготовить ржаной муки — 106956 пуд.; крупы ячной — 135 пуд., овса — 42205 пуд. и сена 20000 пуд.²

Подробную информацию о действиях комиссионеров содержат архивные материалы конторы Камско-Воткинского завода, хранящиеся в ЦГА УР: годовые отчеты завода, бухгалтерские книги, переписка, отчеты и ведомости комиссионеров, инуровые книги, частные акты и билеты подрядчиков на поставку продовольствия³. Закупка продовольствия обычно производилась в течение октября-декабря текущего года и в начале января — марта следующего года, при этом, в зависимости от наличия запаса приобреталась недостающая к годовой пропорции часть: от 1/3 до 2/3 годового объема, а иногда даже 2-х годичный запас. Учитывался сжатый характер сроков, необходимость строгого соблюдения инструкций горного начальства о закупке продовольствия по ценам, не превышаемым установленный предел, сложность транспортировки грузов, комиссионерам приходилось решать очень сложную задачу.

Чаще всего комиссионеры прибегали к посредничеству купцов и крестьян-скупщиков. Так, в 1808 г. заводские комиссионеры коллежский ассесор Трофимов и титулярный советник Иванов заключили контракты на поставки продовольствия с 8 купцами и 2 мещанами г. Сарапула, 2-мя чиновниками и 10-ю крестьянами, оставшаяся часть была закуплена вместе с сеном на заводском рынке.

Для годового запаса на 1809 г. было заготовлено с января по апрель муки ржаной — 68881 пуд. 15 ф.; крупы ячной — 227 пуд. 30 ф.; овса — 13579 пуд. 30 ф.; сена — 21428 пуд. Наиболее значительны оказались поставки купцов и мещан, сдавших в заводские магазины: муки ржаной — 79, 76%, овса — 42,6%. Крестьяне поставили ржаной муки — 13,8%; овса — 27,1%. Отстав-